

Кулисы парижского театра Фоли Бержер. Вслед за администратором иду мимо пожелтевших плакатов «гвоздевых» спектаклей прежних лет и нагромождения декораций. По узкой винтовой лестнице поднимаемся в маленькую гримерную. Цветы, пара кресел, большая фотография, на которой изображен узколицый, с тонкими одухотворенными чертами лица Жан Кокто. «Месье Маре, тут к вам русский журналист, о котором вы предупреждали». Мне навстречу поднимается широкоплечий человек в черном с гривой серебряных волос. 83-летний Жан Маре протягивает для рукопожатия крепкую руку. Он в прекрасном расположении духа, курит легкие французские сигареты «Руайаль», затягиваясь с нескрываемым наслаждением. Забегая вперед, должен откровенно признаться, что более веселого, доброжелательного, то и дело подшучивающего над собой мастера сцены мне давно не доводилось встречать. В этом театре он уже третий месяц играет пастуха Бальтазара в пьесе Альфонса Додэ «Арлезианка». Отсюда и белая, вполне натуральная борода. Так сказать, для образа.

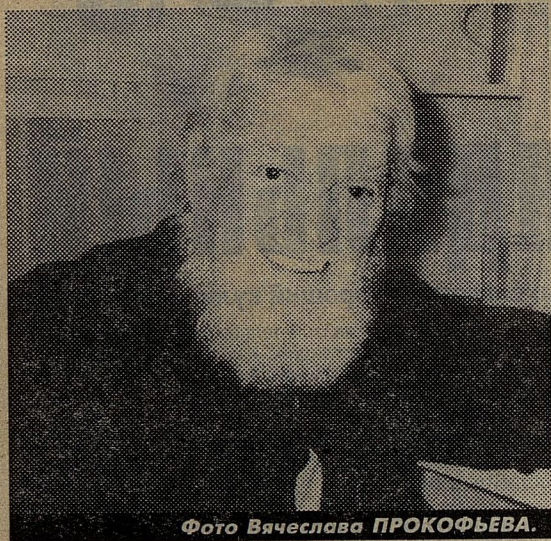

Фото Вячеслава ПРОКОФЬЕВА.

ЖАН МАРЕ:

«ЖИЗНЬ БЕЗ УГРЫЗЕНИЙ СОВЕСТИ — ЭТО СЧАСТЬЕ»

— В России вас знают, не говоря уже о феноменально популярной в 60-е годы трилогии «Фантомас», по лентам, где скрещиваются клинки, где подлеев наказывают благородные красавцы, — таким, как «Граф Монте-Кристо», «Парижские тайны», «Капитан Фракасс», и другие. Но это ведь далеко не единственное ваше амплуа?

— Такие ленты у нас называются фильмами «плаща и шпаги». Еще в школе я бредил романтическими киногероями, которых на экране воплощали Дуглас Фербенкс и позже Эрролл Флинт. Но вначале был все-таки театр. Знаете, я — пример вопиющей несправедливости. Почему? Все, о чем я мечтал, реализовалось. Мне ужасно везло всю жизнь. Моим первым учителем в начале 30-х годов в театральной студии был Шарль Дюлен — абсолютно нетрадиционный, необычный человек и гениальный педагог, которому помогал ваш соотечественник, ученик Станиславского — Соколов. К сожалению, не помню его имени, потом он перебрался в Америку. Вокруг было много очень талантливых ребят, которые так и не сделали карьеры. Я был не более способным, чем они, но зато везучим, особенно на друзей.

— Итак, вы — баловень судьбы?

— Похоже на то. Моя везучесть была просто феноменальной. Даже когда вроде бы Фортуна отворачивалась, мне и это шло на пользу. Как-то был набор в массовку, и режиссер сказал: «У этого парня много таланта, но он нам принесет несчастье». Я расстроился. Однако судьба тем самым готовила мне подарок. Буквально на следующий день ко мне обратились приятели с параллельного курса, где было мало парней, и предложили мужскую роль в своем спектакле. Я сначала отказался. Но когда узнал, что автор их пьесы — кумир артистической молодежи Жан Кокто, то, конечно же, согласился. Это было в 1934 году. На пробы присутствовал сам Кокто. Он меня и утвердил. Так началась дружба с великим мастером.

— Сейчас вы — человек спокойный, мирный. А были времена, когда кое-кому от вас доставалось по первое число...

— Было дело. Действительно, я человек пацифистского склада, но частенько себя вел, как будто это абсолютно не так. Во время оккупации я набил, извините, физиономию известному в то время критику-коллаборационисту Алену Лобро. Он публиковал статьи, которые были самыми настоящими

ЛЮБИМЕЦ НЕСКОЛЬКИХ ПОКОЛЕНИЙ КИНОЗРИТЕЛЕЙ ПРЕКРАСНО СЕБЯ ЧУВСТВУЕТ, ИГРАЕТ НА СЦЕНЕ, ЗАНИМАЕТСЯ СКУЛЬПТУРОЙ И ЖИВОПИСЬЮ И... МНОГО КУРИТ

подметными письмами против моего друга Кокто. Этот эпизод, кстати, затем фигурировал в фильме Трюфо «Последнее метро». Правда, там речь шла о пощечине. На самом деле тот коллаборационист серьезно умылся кровью и после сострепал на меня донос в гестапо. Я был внесен в гестаповские списки на арест. Мне бы не повезло, если не вмешательство Кокто, о чем, между прочим, я узнал только лет через тридцать, уже после смерти метра, от его секретаря. Как оказалось, у Кокто и Пикассо (а они всегда дружили) был приятель в 20-е годы в Париже немец-скульптор Арно Брекер. Так вот, этот Брекер после прихода в Германии к власти Гитлера стал ведущим скульптором Третьего рейха, ближайшим консультантом фюрера по монументальным делам и его протеже. Когда вермахт захватил Париж, Брекер позвонил Кокто и Пикассо и сказал, что в случае необходимости он всегда может их выручить. После моего рукоприкладства Кокто позвонил Брекеру, и дело, грозившее мне концлагерем, замаяло. А таких, как Лобро, наказывает сама судьба. После освобождения его заочно приговорили к смертной казни. Он скрывался и вскоре погиб в Латинской Америке.

— Вы участвовали в Сопротивлении, в составе дивизии Леклерка освобождали Эльзас, награждены орденом «Боевого креста». Это как-то отразилось на ваших «героических» ролях?

— Какой уж из меня герой. Я никогда серьезно к этому не относился. Ну а война... Представляете, где бы ни оказывался я на передовой, везде сразу же прекращался огонь. Просто наваждение какое-то...

— Вы всегда были атлетически сложенны. Наверное, усиленно занимались спортом?

— Вы не поверите, но никогда. Таким родился. Наверное, эта природная несправедливость докучала и Господу Богу. Поэтому он решил меня приобщить к физкультуре, не мытьем, так катаньем. А конкретно через фильмы «плаща и шпаги». Я

стал сниматься в подобных лентах, когда мне уже было за 40, в возрасте, когда с большим спортом, как правило, люди расстаются.

— Вы ведь никогда не прибегали к услугам дублеров...

— Это так. Пришлось самому прыгать, скакать, фехтовать.

— Как сами считаете: вы больше актер кино или театра? Или, может быть, 50 на 50?

— Я много играл в театре и люблю его всем сердцем. Но весьма признателен и кино, потому что оно мне принесло известность. А это уже, в свою очередь, распахнуло передо мной двери всех театров. Я же говорил — самое настоящее везение.

— Везение, за которым стоят работа и талант...

— Не надо громких слов. Я снялся в 75 лентах и сыграл в 50 спектаклях. Вроде бы в кино я сделал на треть больше, чем в театре, но это не так. Фильм обычно снимался за три месяца, а пьеса, как правило, идет целый год. Так что все-таки, наверное, театру я посвятил больше времени и души. Мольер, Шекспир, Кокто, Шоу... Мой сценический список велик.

— Театр, кинематограф. Но не забудем также о живописи.

— Я рисовал с 10-летнего возраста. И постоянно возвращался к мольберту, тяготая к «фигуративному» искусству. От моего друга Кокто, который был знатоком передовой современной живописи, я скрывал свои этюды. Но как-то в 1939 году он увидел один из них — пейзаж в местечке Сен-Жан-Кап-Ферра на Лазурном берегу, где Кокто любил бывать. Картина ему настолько понравилась, что он попросил ее у меня и повесил в своей квартире на площади Мадлен в Париже. Однажды к нему зашел Пикассо, увидел полотно и спросил, кто его автор. Услышав, что это моих рук дело, сказал: «Если бы этот пейзаж мне попался на глаза где-нибудь в салоне, то купил бы его обязательно». После этого, встречаясь, он всякий раз меня спрашивал: «Когда ты нарисуешь мой портрет?» Я тогда здорово стеснялся этого гениального худож-

ника-новатора и поэтому под любыми предложениями не соглашался. Сейчас об этом жалею. У Пикассо можно было многому научиться.

— А когда вы взялись за скульптуру?

— Когда мне уже исполнилось 75 лет! До этого я увлекался гончарным делом. И каждый раз, когда меня спрашивали, не занимаюсь ли я заодно скульптурой, отвечал, что никакой я не скульптор, а гончар. Но люди почему-то забывали о моих горшках, а помнили, что я что-то говорил о скульптуре. Так возник миф о том, будто я и этим увлекаюсь. Все бы ничего, но лет восемь назад мне позвонил мэтр 18-го района Парижа, где я живу, и попросил сделать памятник к юбилею писателя Марселя Эме, автора романа «Человек, проходящий сквозь стены». Я не отказался, и сейчас на одной из площадей Монмартра стоит моя скульптура.

— Что для вас театр, кино, живопись, скульптура — работа, труд?

который не вязался с мужественной фигурой атлета и соответствующими ролями, то кто-то посоветовал «посадить» голос с помощью курения. Сознаться, поначалу оно мне никакого удовольствия не доставляло, но потом втянулся. Сейчас курю только самый легкий табак.

— Что для вас главное в жизни?

— Главное — быть счастливым. Я им был и остаюсь.

— Как вы определяете для себя понятие счастья?

— Быть в мире с самим собой и жить в согласии со своей совестью. Прежде чем пойти на какой-либо поступок, спроси у нее. И сделай, как тебе подсказет совесть. Жизнь без сожалений и угрызений совести — это счастье. Несчастье же — когда у человека спящая совесть или она усыплена «моральными наркотиками» в виде гордыни, стяжательства, тщеславия, наплевательского отношения к близким. Это несчастье, когда после твоего ухода в мир теней ты не оставил о себе

— Я стараюсь обходиться без слов «профессия», «ремесло». Мне больше нравится слово «игра». Играть на сцене, в кино для меня всегда означало делать то, что нравится, получать удовольствие. Жить, играя, — прекрасное занятие. Когда некоторые коллеги-актеры говорят, как тяжела наша профессия, мне хочется смеяться. Я никогда не уставал от сцены, может быть, за исключением ролей Сирано и короля Лира. В молодости мне приходилось работать на заводе. Поверьте, от трех часов под огнями лампы устаешь куда меньше, чем от восьми часов в сборочном цехе.

— Вас не пугает старость?

— Старость — это подарок судьбы. Ведь старым становится лишь тот, кому повезло остаться в живых в молодости. Так что нечего стесняться возраста, жаловаться на годы. Надо лишь каждый день благодарить Господа за то, что он подарил тебе длинную жизнь.

— А как со здоровьем? Вы, я смотрю, заядлый курильщик?

— Бог не обидел. Только вот иногда спина побаливает — смещены диски. За все надо расплачиваться, а за большие годы — болячками. Правда, мне и здесь везет. Если бы мне в 20-летнем возрасте предложили дожить без болезней до 70 лет, а затем — в гроб, я бы тогда наверняка согласился. И сейчас уже 13 лет покоился бы на кладбище. Ну а курево?.. Знаете, я не брал в рот сигареты до 30-летнего возраста. Но так как у меня был довольно высокий голос, ко-

добрую память. Еще хуже, если оставил дурную.

— Что вы могли бы посоветовать молодым начинающим актерам?

— В первую очередь относиться к себе с хорошей долей самокритики и не застревать на достигнутом. Остановившийся всегда неминуемо оказывается среди отстающих. Так что надо почаще бросать себе самому вызовы. Это единственный способ не покрываться плесенью и чего-то добиться в жизни. Кстати, это касается не только актеров.

Беседу вел
Вячеслав ПРОКОФЬЕВ,
соб. корр. «Труда».

ПАРИЖ.